

Министерство культуры Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

Фронтовой дневник Александра Ивановича Ухова

Н.Г. Кузьмичёва

2015

Вторая мировая война стала величайшей катастрофой, какую когда-либо пришлось пережить человечеству. Составной частью Второй мировой войны была Великая Отечественная. В России нет семьи, которой бы не коснулась война. Потому-то Великая Отечественная еще долго будет восприниматься не как часть исторической хронологии, а как величайшая трагедия в истории страны.

Как правило, военный потенциал страны зависит от количества её населения и подготовки его к ведению войны, количества и качества вооружения и военной техники, оптимальности структуры вооружённых сил и их мобилизационной готовности.

В начале сороковых годов СССР по численности населения превосходил Германию с присоединёнными государствами. Почти всё население страны было грамотным; причём большая его часть, родившаяся после революции, имела среднее образование. Лишь 7% из общего числа призывников было непригодно для несения военной службы. Численность вооружённых сил неизменно возрастала и к началу войны была доведена до 11,4 млн. человек (в то время как у Германии она составляла 9,6 млн. чел.).

За тридцатые годы XX века численность военных учебных заведений в СССР возросла почти на порядок. К началу войны в стране имелось 203 средних военных училища, 19 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 военно-морских училищ и свыше 10 училищ НКВД (народный комиссариат внутренних дел). При отдельных учебных полках были учреждены школы младших командиров. Кроме того, расширялась деятельность военно-спортивных организаций, пользовавшихся популярностью у молодёжи, например, «Осоавиахим» (общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Основными задачами Осоавиахима являлись содействие укреплению обороноспособности страны, распространение военных знаний среди населения, воспитание его в духе советского патриотизма. В 10-х классах средних школ, большинстве техникумов и вузов был введён учебный предмет «Военное дело», причём, прежде всего, изучалось стрелковое оружие. В сентябре 1940 года отменили очередную демобилизацию рядового, сержантского и старшинского состава.¹

Предназначенное для войны вооружение разрабатывалось по собственным проектам, строилось и изготовлялось на собственных заводах и из собственного сырья. Вооружение имелось в достаточном количестве, но часть его несколько уступала по боевым качествам немецкому. Однако, в стадии разработки, доводки и налаживания серийного производства

находилось значительное количество образцов нового оружия (в частности, танков и самолётов), превосходящих немецкое.

В последние месяцы предвоенного периода по опыту Финско-Советского военного конфликта (ФСВК) в системе вооружённых сил Советского Союза был произведён ряд организационных и структурных преобразований. Были назначены новые нарком обороны и некоторые другие лица из числа руководства РККА (рабоче-крестьянская красная армия). Призывной возраст на военную службу был сокращён с 21 года до 18 лет, проведена реорганизация военных округов, возобновлено прерванное в 1939 году формирование механизированных корпусов, введены новые уставы и наставления и т.п.²

Накануне Великой Отечественной войны на западной границе СССР находилось достаточное количество военной силы и техники. Там было сосредоточено чуть более трёх миллионов человек личного состава, более 57 тысяч орудий и миномётов, почти 14 тысяч танков и штурмовых орудий и около 9 тысяч самолётов. Сосредоточение военной техники на западной границе СССР со стороны фашистской Германии и её союзников было заметно меньше. Лишь численность личного состава вермахта превышала количество красноармейцев в приграничных районах более чем на миллион человек.³

Следует отметить, что, по мнению современных историков, явного качественного превосходства техники у вермахта не было. Так, все имевшиеся на вооружении Германии танки были легче 23-х тонн, в то время как у РККА имелись средние танки Т-34 и Т-28 весом свыше 25 тонн, а также тяжёлые танки КВ и Т-35 весом свыше 45 тонн.

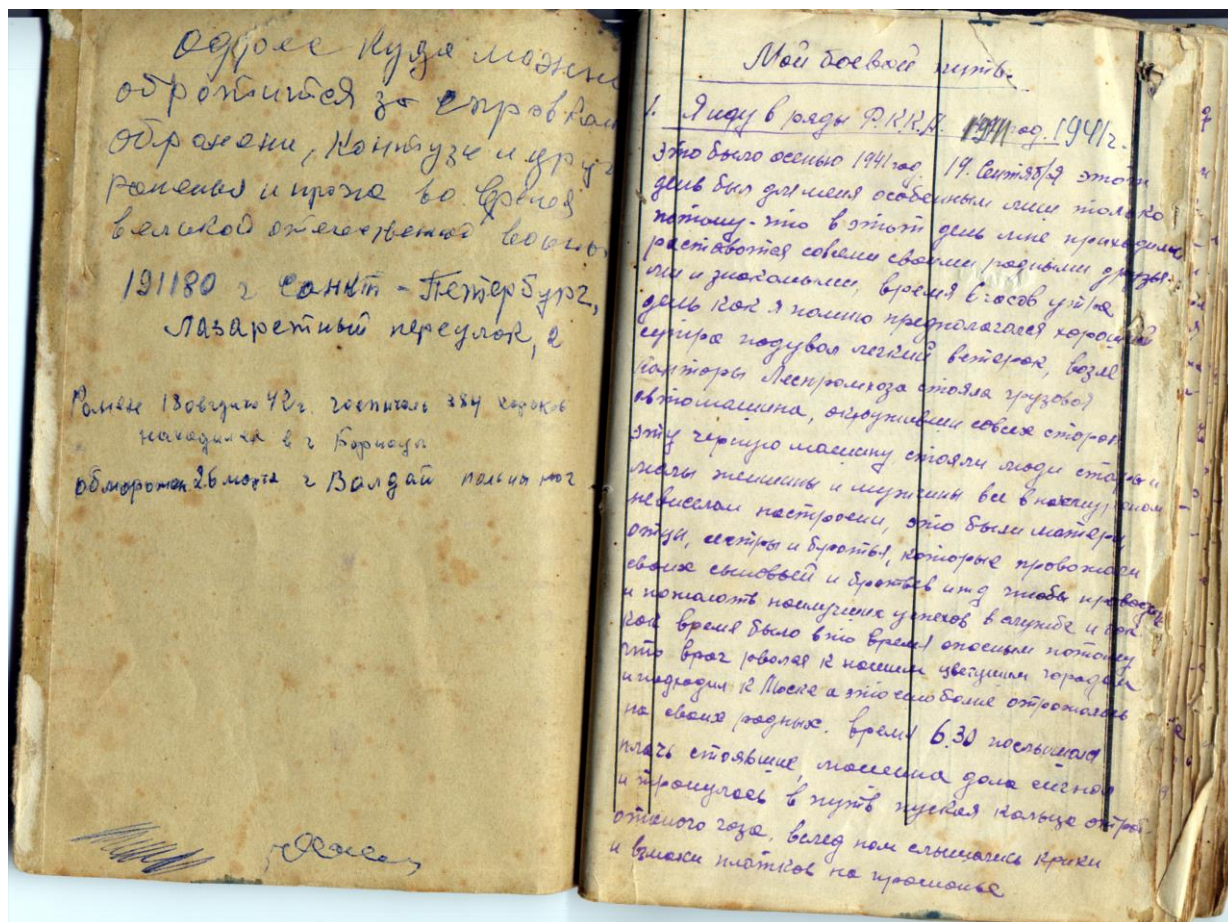
И всё же, несмотря на то, что в целом страна готовилась к нападению, объявление фашистской Германией войны Советскому Союзу оказалось неожиданным. В первые месяцы войны Красная Армия понесла большие потери и многие советские солдаты, призванные на фронт в самом начале войны, погибли. Именно поэтому очень важно сохранить бесценные свидетельства очевидцев тех событий, что происходили на фронте и в тылу во время Великой Отечественной войны.

В фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника хранится уникальный документ – дневник участника Великой Отечественной войны Александра Ивановича Ухова⁴, в котором он описывает свой боевой путь, начавшийся в 1941 году и продлившийся до победных майских дней 1945-го. Дневник Александра Ивановича передал музею на хранение его родственник Александр Сергеевич Семёнов.

Александр Иванович Ухов (справа) с боевыми друзьями. Германия, май 1945 года

Дневник представляет собой записную книжку размером 18,8х12,2 сантиметра в черном кожаном переплёте. Страницы в книжке разлинованы по вертикали типографским способом. Записи сделаны от руки чернилами синего и чёрного цветов. С осени 1941 года записи представляют собой мемуары, с лета 1943 года – это собственно дневник. Предположительно за всё время ведения дневника автор использовал 8 ручек, так как цвет чернил меняется 8 раз. Текст документа печатается с разрешения хранителя отдела письменных источников Кирилло-Белозерского музея-заповедника А.В. Смирновой.

Первая страница дневника А.И. Ухова.

«Адрес куда можно обратиться за справками об ранении, контузии и других ранениях и прочее во время Великой отечественной войны: 191180, г. Санкт-Петербург, Лазаретный переулок, 2. Ранен 18 августа 42 г., госпиталь 384, Харьков находился в г. Барнаул. Обморожен 26 марта г. Валдай пальцы ног.⁵

Мой боевой путь.

1. Я иду в ряды Р.К.К.А. 1941 год (зачёркнуто) 1941 г.

Это было осенью 1941 года⁶. 19 октября, этот день был для меня особенным лишь только потому, что в этот день мне приходилось расставаться со всеми своими родными, друзьями и знакомыми, время шесть часов утра. День как я помню, предполагался хороший: с утра подувал лёгкий ветерок. Возле конторы Леспромхоза стояла грузовая автомашина. Окруживши со всех сторон эту чёрную машину, стояли люди: стары и малы, женщины и мужчины все в нахмуренном невесёлом настроении. Это были матери и отцы, сёстры и

братья, которые провожали своих сыновей и братьев и т.д., чтобы проводить и пожелать наилучших успехов в службе. И так как время в то время было опасным, потому что враг рвался к нашим цветущим городам и подходил к Москве (*возможно Москве*) и это ещё более отражалось на своих родных. Время 6.30, слышался плач стоявших, машина дала сигнал и тронулась в путь, пуская кольца отработанного газа. Вслед нам слышались крики и взмахи платков на прощанье (*конец страницы*).

Машина полным ходом уходила всё дальше и дальше от своих родных, тут конечно не секрет, что мне тоже стало скучно и невесело лишь потому, что осталась дома одна мать и сестрёнки, но делать было нечего, так нужно и чтоб не вспоминать горесть и обиду я всё это утешал. (*Зачёркнуто, возможно, ночью*) машина пришла на место назначения в горвоенкомат. Здесь было людей ещё больше, и каждая утирала слёзу. Время десять часов, нас посадили в пароход «Волхов» и обратно помчались незнакомой водной речушкой ближе к своим, и в последний *раз* пришлось взглянуть на свой родной дом и так мы ехали до города Вологды.

В Вологду прибыли 21 сентября, тут пришлось выгрузиться. Погода была очень плохая, шёл дождь, грязи по колено. Нам пришлось ожидать поезда и мы целые сутки ожидали поезда, сидели на вокзале. На следующий день 22.IX.41 г. примерно часов в 12 дня мы погрузились в эшелон и после отданного поездом свистка мы тронулись дальше в чужие края и таким образом ехали до города Вольск Саратовской области. Здесь была пересадка. Что будет дальше мы, конечно, знать не могли, но ожидать было хорошо: погода была тёплая. Около станции было много людей, каждая что-то копошилась и предлагала что-либо купить. Это были торговки. Больше всего я покупал арбузы, которые мне очень нравились. И в этот день 24 сентября мы снова погрузились в большой волжский пароход, но ехать пришлось немного до города М (*неразборчиво*), где были высажены и построены в колонну разнообразного вида одетых солдат. Мы дошли до какого-то большого здания, по-видимому, военкомата. Нас долго здесь держали и что-то переписывали у каждого солдата, нас записали и построили. Тут мне пришлось встретиться с Кузнецовым В. и Капустиным А., но только что пришлось встретиться и тут же пришлось расстаться, так как нас направили в колхоз *им. Чкалова* для работы, примерно километров 70 от города, куда мы и прибыли 1 октября сего года. Погода была плохая, дождливая. Так как в том колхозе *рабочей* силы не было, потому что там находились немцы, которые были эвакуированы в дальние районы Сибири. Поэтому нам была полная возможность разместиться по частным квартирам. Нас поместили 7 человек на квартиру, где пришлось жить и работать в этом колхозе (*конец*

страницы) примерно числа до 20 октября. Работали очень весело, потому что стали прибывать рабочие из других областей, исключительно молодые девчата, и *мы* не столько работали, сколько баловались. 22 октября нам приказали собраться в путь в город М (*неразборчиво*).

23-го прибыли в этот небольшой городок М (*неразборчиво*), разместились в церкви, народу было очень много набито, просто как в бочке огурцов, так и нас, а от такой тесноты всегда получается неприятная вещь. Через два дня мы стали проходить мед. комиссию: прошёл мед. комиссию дают заключение – годен к военной службе в частях ВВС; после чего прошли мандатную комиссию.

25.Х получили всё военное обмундирование: сапоги, шинели и т.д., после чего стал чувствовать, что я теперь воин Красной Армии, и одновременно и жизнь пошла самой настоящей армейской. В первое время было очень тяжело привыкать и отставать от гражданской жизни. Особенно первоначально не нравилось – это подъём и построение, а также и подчиняться непосредственному начальнику, но впоследствии стали привыкать ко всем этим условиям жизни, а также пошла нормальная армейская учёба.

7 ноября пришлось впервые пройти в (*слово неразборчиво*) обширном строю под звуки музыки. Мы проходили парад, который проходил в этом небольшом городе М (*слово неразборчиво*). Числа 15 ноября, точно не помню, нам выдали для каждого солдата парашют «ПД 41». Это нас впервые очень обрадовало и мы под надзором инструктора-укладчика укладывали каждый для себя парашют для тренировочного прыжка. Конечно, надо признаться, то тут были сильные пережитки (*переживания*). Мы ожидали того дня когда начнутся прыжки. И вот 17 числа этого месяца начались прыжки. Мы прибыли на аэродром в 11 часов дня. День был холодный, дул небольшой ветерок, слегка выпал снежок, для прыжка выдали валенки. Мы с друзьями Захаровым Н. и Изосимовым Г. и ещё один, которого фамилию не запомнил, подошли к стоявшему самолёту. Самолёт ревел своими могучими двумя моторами, как будто что-то подсказывал: «Мол, садитесь быстрее!» Но вдруг издали послышалась команда: «По самолётам!» и я залез в самолёт, за мной остальные трое. Несмотря *на то*, что был сильный мороз, нам было тепло от такого пережитка. Находимся в самолёте все трое, и через несколько минут самолёт прибавил газу, и машина незаметно оторвалась от земли. «Машина в воздухе на высоте (*конец страницы*) 600 метров», - говорит инструктор. Самолёт вышел на прямую линию, послышалась нам команда приготовиться, мы приготовились, я (*возможно фалу*) парашюта зацепил за трубу самолёта,

послышалась команда: «Пошёл!». Два моих друга потонули в голубом пространстве, самолёт сделал разворот и вышел на прямую линию, послышалась команда для нас: «Пошёл!». Мой друг действие прыжка замедлил, на него последовал повторный голос той же команды, но он упорно стоял у дверей самолёта и не решался прыгнуть. Самолёт назначенное место для прыжка прошёл, подалась команда: «Отставить!», он сел возле дверей, чуть ли не плача от страха. Самолёт снова над тем же местом, следует та же самая команда: «Пошёл!», но тут мой друг немного замедлил и простился со мной, и прыгнул. Я в таком расстроенном виде, не ожидавши команды, упал вниз головой, тут же моментально послышался динамический удар, мне ударило лямками парашюта по ушам, шапка слетела с головы, и я очутился глухим от такого удара. Но когда посмотрел вверх, то сразу понял, что мой парашют оформлен нормально, тогда мне стало радостно и весело, и так понравилось, что мог бы лететь целый день, но парашют шёл всё книзу и я незаметно стал подходить к земле. Мне снизу кричали, махали, но я не слышал и не понял, что нужно делать разворот, так как это я знал, *что нужно* подгибать в коленях ноги и не успел полностью привести *себя* в порядок, как почувствовал под собой твёрдую почву и таким образом совершил первый тренировочный прыжок с высоты 600 метров. После прыжка нам был предоставлен односуточный отдых. Да, некоторые товарищи по оружию оставили тогда свою жизнь во время прыжка, и после чего опять пошла самостоятельная учебная жизнь.

5-го января 1942 года прибыла следующая группа, и я был направлен на место прыжка для оказания помощи при приземлении и после чего нас троих оставили охранять парашюты. Мы втроем остались охранять, просидели до вечера с самого утра, не евши целый день и замёрзли от сильного мороза. Мои два друга говорят: «Мы пойдём домой в расположение, а ты останься здесь». Ну, так и сделали, они ушли. Я остался один. Стало скучно, к тому же холодно, кушать охота. Дело подходит к ночи, я решил идти тоже в расположение, отошёл метров 100 от парашютов, *как* показалась подвода. Подошла подвода, наложила парашютов и говорит, что приеду, потом говорит, собираются куда-то неизвестно, и он уехал. Я следом за ним тоже решил идти, оставил парашюты и пришёл в расположение. Тут действительно все собирались, Я тоже стал укладывать всё своё имущество: уложил простыни, одеяло в вещмешок. *Тут* подходит помкомвзвода (*конец страницы*), я ему всё подробно рассказал об этом случае. Он сказал: «Ладно, собирайся». Я задал вопрос о кушании. Мне ответили: «Иди к старшине». Подошёл к старшине и получил ответ: «Иди в столовую, если есть – покушаешь». Но как нарочно, в столовой все котлы были опорожнены, и мне пришлось покушать одного хлеба, чтобы было легче идти в пути. Ночью того же

числа отправились в путь. Куда и что мы, конечно, знать не могли, но когда прибыли в г. Вольск, тут пошли слухи о том, что едем на фронт, но точно никто не знал. Погрузились в эшелон, и пошёл сидеть. На пути у нас произошла авария: наш эшелон налетел на санитарный эшелон. Я лежал на верхних нарах и от такого сильного удара у нас повалились нары, полетели горячие угли, мне обожгло руку о трубу печки, некоторым поломало руки, ноги и т.д. Много получилось раненых и были убитые, так как некоторые вагоны были в щепки разбиты. Движение было остановлено на одни сутки. После всего этого мы поехали дальше. Прибыли в город Люберцы Московской области в двадцати километрах от Москвы. Здесь выгрузились ночью, ничего не видать. Прибыли к какому-то большому двухэтажному дому, окна этого дома забиты. Нас завели в этот дом. Было холодно, мы растопили печку и улеглись спать.

После всего этого мы опять стали заниматься своей боевой и политической подготовкой. Описывать всё подробно не буду, но хочу рассказать о прыжке, который совершили в городе Люберцы 24 января. Ранним утром собрались в полном боевом, одевши на ноги лыжи, и помчались на аэродром. Прибыли на аэродром часов в 11 дня. День был солнечный, но холодный, и дул ветер, что тяжело для прыжка. Здесь стояли грозные боевые машины (*слово неразборчиво*) четырёхмоторные бомбардировщики. Нас разбили по группам по 30 человек на самолёт, расставили все группы возле самолёта, к которому *кто* назначен. Послышалась издали команда: «По самолётам!». Мы один за одним полезли по обледеневшему самолёту в его нутро. Здесь было удобнее, нежели в первый раз, и веселее. Самолёт тронулся и оторвался от земли, набирая скорость всё больше и больше, и мы очутились на высоте 800 метров. Самолёт подошёл до назначенного места положения, послышалась общая команда для всех находящихся в самолёте. Я зацепил фалу парашюта за трубу самолёта. Ожидаем следующей команды, и мгновенно послышалась команда: «Пошёл!», и все один за одним начали прыгать, кто в двери, кто в люк. Я прыгнул в люк, и у меня мушка винтовки зацепилась (*конец страницы*) за какой-то предмет самолёта, но в виду такого положения я не запомнил фамилию этого красноармейца, который ударил ногой по мушке, и я оборвался в воздух, но прыгнул и приземлился всё благополучно, но только ветер мешал для того, чтоб затушить купол. Тут, конечно, много бегало детей, которые прыгали на купол парашюта, и я всё же парашют погасил и стою, наблюдаю за товарищами, кто куда приземляется: кто на дом летит, кто на дерево, кто на электрические провода и т.д. Но в эту минуту дунул ветер, и парашют мой раскрыло и меня дёрнуло *так*, что я упал, и понесло меня за ноги, только голова брякала. Винтовку СВБ оставил, и меня так несло метров 150, и

тут я всё же с силой погасил купол и собрал его в чехол. Вот так совершил второй прыжок и третий с высоты 800 метров. О третьем рассказывать не хочу. Таким образом, закончили прыжки и занимались своим делом до февраля месяца. Со второго февраля мы готовились к отправке в тыл к противнику.

II. В тылу противника на СЗФ (*северо-западный фронт*)

5-го февраля 42 года мы погрузились в поезд *и* помчались на фронт. Не доезжая до станции Валдай, пришлось выгрузиться, и так как нам были выданы парашюты п.д. 6, чего мы больше всего боялись, приказали оставить, остальное всё выгрузить, что мы сделали и переносили на шоссейную дорогу, оставили часовых, а остальные пошли в деревню Свинница Ленинградской области, где ночевали одну ночь. Наутро прибыло к нам бессчетное количество машин, и нас посажали на машины со всей своей боевой техникой и повезли на фронт. Ехали какими-то лесными дорожками, машины часто зарывались в снег, но всё же кое как доехали до одного населённого пункта, где было, конечно, гражданских изредка и дома все развалены. Нам пришлось с машин слезть, потому что дальше ехать было невозможно. Мы встали на лыжи и поехали дальше. По пути я поломал одну лыжу, ехать было невозможно, и также пешком идти тоже нельзя, но кое-как добрел, чуть ли не до переднего края на своём обломке и тут нашёл хорошую финскую лыжу, которую одел и продолжал своё движение. Впервые пришлось услышать разрывы немецких (*конец страницы*) бомб, сброшенных фашистскими юнкерами на наш передний край. Дело подходило к вечеру, нам говорят сделать небольшой привал и подготовиться к дальнейшему движению. Ночь, идём дальше. Прошли наш передний край, дошли до одной замёрзшей речки, это была непролазная зона. По-видимому, немцы заметили, что мы стали переходить эту зону *и* открыли огонь по нам. Приказа отстреливаться не было и тут так и не понял как перешли передний край противника, но впоследствии узнал, что нас вели партизаны, которые знали все проходы в немецкой обороне.

«Находимся в тылу противника», – говорит командир батальона. Мы сильно утомились от усталости, но об отдыхе было думать нельзя, мы продолжали двигаться дальше в тыл к немцам. Перед утром, когда начало светать, нам дали отдохнуть несколько часов. *Мы* остановились на отдых в густом лесу, покушали свою пищу, что нам была выдана, и отдохнули немного и опять пошли бродить по лесу, потому что сидеть было нельзя, и так мы прожили 5 суток, покушали весь свой НЗ (*неприкосновенный запас*) продовольствия, больше питаться было нечем. Однажды на привале командир батальона взял трёх разведчиков и

пошёл в разведку, нам пришлось долго ожидать. Но дожидаться всё же не могли и нас повёл какой-то старший лейтенант. На другой день появились немецкие самолёты, которые разбрасывали по всему лесу листовки о том, что вы десантники 204 в.д.б. *(воздушно-десантного батальона)* лучше сложите оружие, и, дескать, идите к нам, иначе будете все уничтожены. Вот, что писалось в этой листовке. Действительно настроение появилось очень плохое, кушать было нечего; тогда комроты говорит, *что нужно* разведать деревню. Разведчики отправились в путь и вернулись с докладом, что деревня разведана, в ней находится небольшое количество *(конец страницы)* немецких войск. Тогда ночью всей бригадой пошли на эту деревню, название которой не запомнил, и, конечно, без слов понятно, что деревню взяли. Оказалось, в деревне был прод. склад, конечно, тут мы опять несколько ожили. Но пользу я не знаю какую приносили или нет. После чего пришлось сидеть 7 суток не кушавши, не видели крошки хлеба. Костров разводить не давали, мы все измучились до невозможности. Многие помирали от города и холода. Я помню один случай, когда наткнулись на одного красноармейца, который сидел на пню, взявшись обеими руками за узлы вещмешка, и так замёрз. По-видимому, хотел вытряхнуть боеприпасы, для того, чтобы облегчить своё положение. *Ещё* был ряд случаев, которых не хочу описывать. Однажды мы получили приказ сделать засаду по стороне шоссе-ной дороге. На выполнение этой задачи послали нашу 5-ю роту, мы пробрались сквозь чащи сосновых лесов по снегам без шума к этой дороге. Люди падали от усталости и голода, но на это, конечно, не обращали внимания. Подошли к месту назначения, замаскировались в снегу, ожидая цели, но цель не появлялась долго. Вдруг появилась одна подвода, на ней ехали 3 немца, подвода пустая. Мы её пропустили, а сами ожидаем обоза, который должен был двигаться по этой дороге. Минут через 20 показались подводы, тянувшиеся одна за одной. Точно не скажу, но примерно подвод 30, все гружёные. Пропустили первые четыре до нашего головного отделения, тогда послышался сигнал. Первые 4 подводы были сразу уничтожены, и дорогу забили подводами и лошадьми, а также и хвост был завален. Таким образом, все находившиеся подводы в середине были взяты нашей ротой. Конечно, часть солдат скрылась, часть убита, а часть тоже были взяты. И что же оказалось на подводах? На подводах были частично боеприпасы и продовольствие, что нам и нужно было. Боеприпасы, конечно, мы взорвали, а продовольствие взяли, и тут опять можно было существовать несколько дней. И вот таким образом находились в тылу врага в его глубине от фронта 30 километров. Это было в районе Демьянска, когда была окружена 16 немецкая армия *(конец страницы)*, где находились всего 23 дня, вернее числа 20 марта мы вышли из тыла противника, после чего нам дали трёхдневный отдых, для того, чтоб немного окрепнуть, подобрать имущество и вооружение,

удалить больных и раненых, обмороженных. У меня была обморожена левая нога, конечно, немного, и я остался для дальнейшего действия. Кормили эти три дня очень хорошо: давали водку, консервы, шоколад и т.д. 23 марта остатки нашей бригады бросили на передовую. Погода тогда стала меняться: днём таяло, а ночью замерзало, и одежда вся смёрзлась, что сковало всё движение, но это всё ещё ничего. А самое основное *то*, что впервые пришлось видеть такую грозную силу противника. Это 24 марта 1942 года, когда немцы при поддержке танков, артиллерии и с воздуха самолётов шли в полный рост, в атаку, держа на изготовке свои автоматы. В этот день мы отбили одну за другой шесть атак противника. Много тогда уложили немецких солдат и офицеров в этом бою, но, не считаясь с потерями, враг пошёл в седьмую атаку, где меня ранило вражеской пулей в ногу, и я покинул поле боя. Чем кончилась эта седьмая атака, не знаю.

III. Госпитальная жизнь и учёба в части.

25 марта по ранению попал в г. Валдай. Это небольшой районный городок, где впервые пришлось встретиться с врачами в белых халатах, но лежать мне пришлось недолго лишь только потому, что наша часть была отозвана по приказу на формирование в тыл. Наши тылы стояли в то время в семи километрах от Валдая, когда наша часть собралась ехать, а для этого место сосредоточения было деревня Миронушка, и поэтому наш врач прибыл в этот город для того, чтобы своих людей взять с собой, конечно, тех, которые пригодны для дальнейшей службы в частях ВВС.

20 апреля прибыли на формирование в Московскую область, на станцию Малаховка, где и начала наша бригада формироваться. Но так как люди прибыли с фронта *и* из госпиталей, *то* им требовалась комиссия. 21 апреля я прошёл медосмотр *и* мне дали заключение, что отправить в госпиталь как для отдыха после тяжёлых боёв. Попадаю снова в госпиталь на станцию Отдых специально в десантный госпиталь, где начинаю долечивать свою рану и особенно *хотел* обморожение залечить. Здесь я встретил своего комвзвода, помкомвзвода друга Зяблова Н.

Наступил месяц май, стало тепло (*конец страницы*). Недалеко от нас открылся парк культуры. Я с другом Зябловым Н. почти целый день находился в парке или в лесу, который был рядом с парком. Часто приходилось ездить за продуктами со своим другом в разные районы. 5 мая впервые познакомился с одной девушкой Томой. Она работала на складе кладовщиком. Тут, конечно, жизнь на несколько улучшилась лишь потому, что я имел два удовольствия: вечером мы часто катались на автомашине со своими любимыми по

асфальтной дороге. Ездили в разные населённые пункты, а днём ездили погулять на реку Москва. Здесь катались на лодках, купались, загорали, играли в карты и т.д. Я часто проигрывал в карты свои гроши, которые имелись, а иногда приходилось выигрывать, конечно, всяко приходилось. И вот таким образом продолжал своё лечение до 6 июня сего года (1942-го). А седьмого мне пришлось со всеми расстаться как со своими друзьями, а также и любимой девушкой Томой, которая очень мне нравилась. Я выписался из госпиталя вместе со старшим сержантом Фроловым. Наша часть стояла в Малаховке, недалеко от этого госпиталя, и поэтому мы прибыли в свою часть, где продолжали своё боевое ученье. Меня зачислили в развед-самокатную роту, дело, как известно, что шло всё теплей, и заниматься было веселей. Особенно *мне* нравились занятия – это велосипедное дело, парашютное дело, а также и разведдело. Я часто ездил в этот госпиталь, где остался мой друг Зяблов Н. и та девушка Тома, где мог провести весело и культурно своё свободное время, а также использовать на полную мощь и в весёлом настроении вернуться домой в часть. Да, приведу пример как ходили в гарнизонный наряд. Я всегда ходил патрулём по этому небольшому, можно считать, городку. Наша задача *состояла в том, чтобы* задерживать всех, кто ходит без увольнительных. Мы, конечно, выполняли свои функции, но иногда приходилось обходить эти обязанности и проводить время у какой-либо девушки. А ещё это вошло в привычку, когда идёшь на базар, там, в первую очередь, обращаешь внимание на водку, которую часто продают гражданские, по выше обозначенной цели. И вот таким образом жили, формировались и учились до июля месяца. В июле нам присвоили звание гвардейцев и нашу 204 в.д.б. (*воздушно-десантную бригаду*) переименовали в пехотный 144-й г.п. (*гвардейский полк*), где и занятия пошли совсем другие, и наша рота стала не разведывательная, а рота автоматчиков. И тут стало понятно, что всё перешло на систему пехотных условий. Наступил август месяц.

IV. Сталинградский фронт

6 августа мы покинули свой тыловой красноармейский лагерь и поехали на фронт, где много пришлось встретить трудных для жизни условий. Не доезжая до фронта километров 100, мы были высажены с поезда ввиду того, что *немец* часто бомбил железную дорогу, а поэтому нам на передовую приходилось идти пешими (*конец страницы*). Идти было порядочно и особенно тяжело потому, что дорога была очень тяжёлая: сыпучий песок, по которому очень тяжело продолжать движение, но всё же мы двигались и только, что переправились через Дон, зашли в какую-то машину для отдыха, чтоб могли покушать и отдохнуть. В это время старшина получил сухари, сахар, и мы принялись кушать, ни о чём

не подозревая, потому что до фронта было ещё 30 километров, но вдруг от неожиданности слышались очереди автоматов и гул моторов, нам приказали занять боевые порядки.

Дело было ночью, приказали разведать в чём дело, и после чего разведка доложила, что немцы прорвали нашу линию обороны и танковый десант прорвался в наше расположение. Положение было трудным, потому что у нас ещё было мало боеприпасов, и артиллерия шла позади, по ту сторону Дона. Но благодаря умелому командованию мы оборонялись очень храбро, после чего получили подкрепление, и мы сами пошли наступать. Конечно, успеха мы не имели. Самолёты противника не давали покоя, они беспрестанно бомбили наши боевые порядки. Только ночью была передышка, с наступлением дня снова появлялись и кружили над нами немецкие «Юнкерсы 88» и «Мессершмиты 109». наших самолётов было очень мало, а также артиллерия почему-то была не организована. За три дня мы отбили 21 атаку противника, много уложили немецкого зверья, но ни на шаг не отошли. Правда, наши ряды тоже поредели.

16 августа нас собрали всех автоматчиков, часть петезровцев и пулемётчиков и хотели было танковым десантом направить в тыл к немцам. Но в это время опять, как нарочно, немец пошёл в наступление: пустил на нас много танков, самолётов и большое количество пехоты. Тут нам приказали занять оборону, мы окопались и держали оборону, но всё же силы противника в несколько раз превышали наши, а поэтому он потеснил нас и мы отошли, оставив населённые пункты, на ту сторону Дона. Дон стал нейтральным, и я переправился через Дон благополучно.

17 августа наш полк занял оборону возле реки, нашу роту отвели дальше в тыл.

18 августа нас два взвода автоматчиков послали на помощь второму батальону, так как немец при поддержке артиллерии с прикрытием с воздуха самолётов группами начал переправу через реку. И вот наши два взвода автоматчиков, его артиллерия била нет спасу, но наша почему-то молчала, а также и самолётов (*конец страницы*) тоже не участвовало. Наша задача была в том, чтобы уничтожить немецких автоматчиков, переправившихся на нашу сторону. Когда стали подходить к толстым тополям, это я помню как сейчас, толстые высокие тополя оказались ориентирами для немцев. Я видел, как мои боевые друзья помирали на моих глазах от немецкого огня артиллерии, но мы шли вперёд, не обращая внимания на свист пуль. Когда подошли на расстояние 100 метров, немцы открыли ураганный огонь, они лежали в окопах, замаскировались сверху травой. Нам пришлось залечь, огонь немного затих. Мы снова поднялись и с криком «Ура!» бросились на немцев.

На расстоянии 80 метров от противника меня ранило осколком вражеского снаряда в левую ногу, чуть повыше колена. Я залёг, двигаться было очень трудно, кровь полилась ручьём. Что делать? Перевязать нечем, да и обстановка не позволяла. Тогда снял быстренько сапог с правой ноги и портянкой туго-натуго перевязал вместе с брюками рану, но кровь не останавливалась. Кое-как я отполз метров 100, как меня догнал мой друг Захаров Н. Он был ранен тоже в ногу, прямо в пятку, и мы вместе начали добираться до сан.-гос. пункта, мы встретили медсестру молодую девушку, которую попросили, чтоб сделали перевязку. На этот вопрос получили ответ, что нет бинтов и перевязать нечем. Кое-как добрались до санчасти, где уже совсем ослаб, так как вышло много крови. Но здесь сделали нам перевязку, немного отдохнули, напились воды и как будто стало немного легче. Но движение стало ещё трудней, но подвигать ожидать было нельзя, потому что было невозможно проехать по дороге, а поэтому двигаться пришлось пешком. Дошли до своего штаба полка, где сдали своё оружие и нас направили на подводы в медсанбат.

V. Опять в госпитале

Много пришлось пройти и проехать, чтоб добраться до госпиталя, так как положение было напряжённым (*конец страницы*), и доставка раненых в госпиталь была очень медленной. Рана болела, но перевязки не делали ровно пять дней, а только подматывали на рану новые бинты. Только тогда сделали перевязку, когда прибыли в г. Камышин, где пробыл одни сутки и эвакуировали дальше. Мы прибыли с другом Захаровым в г. Вольск Саратовской области, где пробыл 15 дней, и меня стали эвакуировать дальше. Здесь пришлось расстаться с другом Николаем. Я прибыл в госпиталь в г. Барнаул Алтайского края, где начал продолжать своё лечение. Госпиталь этот был эвакуирован из г. Харьков № 384. Это замечательный военный госпиталь, замечательная обстановка, хороший уход за больными и т. д. Через 4 дня я пошёл в электрокабину на рентген и, оказалось, что осколок находится возле чашечки коленного сустава, повредил бедровую кость. Но благодаря заботе врачей боль уменьшилась, но рана зарастать не думала. Настроение сразу улучшилось, потому что мне было легко.

И вот однажды утром прибыла в палату молодая девушка, начала делать уборку, протирать стёкла рам, подмела пол, некоторым заправила постели и т.д. И вот я решил с ней познакомиться, так как она была очень симпатичная девушка. Оказалось, что она только что прибыла в этот госпиталь, рождения 1924 года, звать Лиза. Конечно, без сомнения, что жить стало веселее: она часто приносила семечек, изредка угощала водкой.

15.X.42 года мне была сделана операция, осколок из раны удалили. Операция была удачной, но после чего мне пришлось 10 дней лежать даже не подниматься, после чего стало совсем легко, рана стала зарастать. Я начал своё *(конец страницы)* действие, мне обещали дать отпуск домой, которого я ожидал. Но впоследствии стали много позволять лишнего, а что именно не хочу описывать, и таким образом находился в госпитале по январь 1943 года.

3 января 1943 года я выписался из госпиталя. На прощание моя любимая Лиза подарила много письменной бумаги и два вышитых на память платочка, и так я с ней распрощался. Прибыл на сортировочный пункт этого города, где прошёл медкомиссию, и *меня* зачислили в часть 590. 5 января выехали из города, поехали поездом. Погода была очень морозная, и ехать было холодно, потому что мне выдали одну фуфайку и всё летнее обмундирование. Народу насажали человек 50, просто было не повернуться. А к тому же я не описал, *что* когда пошёл на станцию, *то* поскользнулся и упал на раненую ногу. От удара нога распухла, и я просто совсем не мог ходить. Но спасибо ребятам, с которыми я познакомился в вагоне: они мне во всём помогали – это Кротов В. и Нестеров А. Благодаря им я благополучно доехал до города Омск числа 8.I.43 года.

Мы выгрузились и прибыли в одну большую четырёхэтажную школу, где и продолжали свою дальнейшую учёбу. Сначала я был в батарее огневином, что меня очень интересовало, и, когда получили это грозное оружие 120-миллиметровый миномёт, я с охотой его изучал. Но в батарее пришлось побыть немного, меня перевели во взвод управления дивизиона связистом. Здесь ещё интересней показалось – это изучение телефонного аппарата УНАФ – 42. И таким образом прожили в городе Омск до февраля месяца 1943 года.

VI. Северо-западный фронт

Вечером 5 февраля 1943 года мы выехали на фронт. Примерно числа 13.II прибыли на станцию Осташков Калининской области. Здесь пришлось выгрузиться и пробыть несколько времени, только лишь потому, чтобы получить машины, а также и недостающую в части технику. 23.II мы тронулись в путь пешими. Погода стояла уже тёплой, днём таяло, а ночью замерзало. Дорога, по которой нужно совершать марш была очень разбита машинами, а поэтому двигаться было очень трудно. Я помню один случай, когда прошли маршем километров 35. Мы остановились в одной деревушке переночевать. Конечно, деревушки в этом месте не было, а было только одно название, которое мне осталось в память – это Большой остров *(конец страницы)*. В этой местности все населённые пункты приступами немцев были сожжены, и вот в этом Большом острове мы разместились в одном подвале. На

улице было холодно, так как за день все вымокли, а ночью всё замерзло. В этом подвале было много снега, дверей не было, но была печка. И вот мы в этом подвале разместились человек 15. Растопили печку, от тепла стало таять, а у нас один боец Шушин М. лёг отдохнуть на печку. Но когда снег растаял, кругом очутилась вода и сверху капает и внизу вода, *так* этот боец вылез что из воды. Но это ещё всё ничего, но плохо тем, что прилечь отдохнуть было негде. Мы отдыхали сидя, но и сидя отдохнуть не пришлось: от сильного жара у нас загорелись наматы, потому что там была солома, и у нас получился пожар, который принялись тушить, так как от передовой тогда находились недалеко, а поэтому немецкие самолёты летали ночью. И вот мы целую ночь тушили и потушить не могли, а утром чуть свет пришлось двигаться дальше на запад и таким способом прибыли на Северо-западный фронт в район Старой Руссы. Уже наступил март месяц, стало таять, было много воды в этих ленинградских болотах. Но нам было много работы: строили блиндажи, проводили связь, как в батарее, так и на НП.

После чего через несколько дней начался бой. Это под д. Шалгуново. Бой разгорелся жестокий, я тогда дежурил на телефонной точке в пехоте. Мы тогда своим миномётным огнём поддерживали зады какого-то стрелкового полка и так форсировали реку Ловать. Впоследствии мы стали в оборону и курсировали по всему участку фронта, где много приходилось работать: делать блиндажи. В июле месяце мы прибыли в район под самую Руссу, где построили прочные блиндажи. И 18 августа было организовано наступление в районе Старой Руссы. Утром в 6 часов наши открыли артподготовку, которая длилась в течение более двух часов, погода в этот день была очень пасмурная, и наша авиация не действовала. Бой шёл три дня, в результате чего *мы* овладели только двумя завалами противника, которые были построены в высоту более двух метров из толстых брёвен, а посередине прочно затрамбована земля. Много в этом бою было уничтожено немцев и его техники, но и наших было тоже немало. Нам досталось в это время очень трудно, потому что от сильного обстрела часто рвало линию, и мы почти не уходили с линии целыми днями (*конец страницы*), а также и ночью.

Один раз мы с другом Черкашиным П. вышли на линию на КП (*командный пункт*) или НП (*наблюдательный пункт*). Была сильно тёмная ночь и линии абсолютно не видно. Мы шли, взяли в руки провод, не разбирая где сухо или вода, *так* дошли до обрыва. Пули свистели бесперебойно, мы внаклонку стали искать другой конец, и только *я* отошёл метров 15, как его ранило в челюсть и в плечо. Но ночью ничего не видно, *я* всё же кое-как нашёл

конец, связали прорыв и вернулись обратно. И после чего наши части закрепились на занятых позициях, и с этим всё затихло, и так продолжали жить до декабря месяца 1943 года.

После чего наша часть поехала на отдых. Прибыли в Калининскую область, в одну деревушку – это Алексеевская. Здесь показалось как-то чудно после такого артиллерийского обстрела, после своих сырых землянок, и за эти десять месяцев абсолютно не видели гражданских людей. А тут расположились на квартиры, где уютно, чисто и светло. Но здесь опять пошла тыловая жизнь: стали заниматься боевой и политической подготовкой, но, конечно, занятия для нас были лёгкими. Мы занимались по телефонии, а поэтому и занятия проходили в квартире и минное дело, здесь тоже протягивали линию в какую-либо другую деревню, где больше девчат. И вот сидишь, передаёшь команды из хаты в хату, часто катались на лыжах, ходили в лес, рубили дрова для квартиры, охотились и т.д.

3 января 1944 года меня перевели во взвод управления полка связистом, пришлось перейти на новую квартиру. И здесь тоже такая самая штука: уходили на занятия на лыжах в лес и там ездили с утра до обеда. Числа 20 февраля я опять переменял квартиру ввиду того, что командир взвода управления младший лейтенант Зайцев и начальник связи полка капитан Кокарев перешли на другую квартиру и меня взяли с собой, можно считать ординарцем. 28 февраля нам дали комвзвода лейтенанта Сливкина. Он меня тогда поставил на склад (*слово неразборчиво*) где я продолжал работать и так жили в Алексеевском до 8 марта 1944 года (*конец страницы*).

VII. Первый Белорусский фронт

Днём 8 марта 1944 года праздник женщин и в этот день мы покидали село Алексеевское. Нас провожало население, некоторые в этом селе обзавелись жёнами и полным хозяйством. И поэтому некоторые со слезами провожали «своих мужей». За три месяца, конечно, осталось много приплоду от нашей части, которую будут вспоминать.

Прибыли на станцию *Вышний* Волочок, где погрузились в эшелон и поехали снова на фронт в Белорусь. В этот раз много пришлось проехать только что освобождённых от немецкого ига городов, станиц и сёл. Проехали большие города, *такие* как Брянск, Коростель, Киев и ряд других городов. Прибыв в город Сарны, стали выгружаться и не успев выгрузиться как налетели немецкие бомбардировщики и начали бомбить. Я тогда находился на кухне, все бросились бежать и повара, и мой старшина, бросив кухню и продукты, тоже удрали в укрытие. Я остался один возле всего этого имущества и ещё один повар с первого

дивизиона Шадрин Степан. Но когда бомбёжка кончилась *и* самолёты улетели, все собрались, погрузились на машины *и* быстро выехали за город. Здесь пришлось ехать на машинах, но не столько ехали, сколько приходилось стоять, потому что дорога была абсолютно непроезжаемой. И машины буксовали и застревали в грязи, особенно наша машина полуторка ни (*слово неразборчиво*) не тянула, и мы всегда отставали со своей кухней. Но всё же, через несколько времени добрались до фронта.

Прибыли под город Ковель, где встали в оборону. Ковель тогда почти был окружён, но всё же сдержать окружение не пришлось: немец вырвался из кольца. Я тогда должность каптенармуса бросил и пошёл дежурить в осаждённый город Ковель, потому что в этом городе были нашими войсками заняты две улицы, а остальное всё было у немцев, и мы жили через улицу с немцами (*конец страницы*). Но жить в этом городе пришлось недолго, потому что немец старался нас отрезать и взять под своё владение и эти две улицы, а поэтому нам пришлось оттуда уйти.

После чего нашу часть бросили под *деревню* Клевецк, недалеко от г. Ковель километров двенадцать. И только что опять устроились, как 27 апреля с раннего утра немец открыл артподготовку при поддержке танков, самоходной артиллерии и с воздуха самолётов *и* пошёл в наступление. Я тогда с другом Харченко дежурил на телефонной точке во втором дивизионе, в самой деревне Клевецк. Наша линия тогда работала безотказно, но потом сразу прекратился разговор. Я оставил телефон дивизионным телефонистам, а сами пошли по линии устранить прорыв. Вышли из землянки, кругом дым и свист пуль, пехота отступила. Но мы, исправив линию, пошли обратно и на пути встретили капитана Корзуна. Он спросил у нас: «Куда идёте?», я ответил: «На точку в дивизион». Он говорит, что в деревне находятся немцы. Тогда друг мой не пошёл, а я решил идти забрать телефонный аппарат. Когда забежал в деревню, то сразу услышал резкие очереди из автоматов, и, не доходя до нашей телефонной точки, где мы располагались, через три дома увидел немцев, которые перебегали от дома до дома. Я, конечно, скрывать не хочу в том, что пришлось скрытым путём утекать, а больше всего пришлось утекать только потому, что деревню обходили с правой стороны. И я чуть успел выбежать из деревни, как немцы стали подходить к нашей обороне, где наши заняли. Меня тоже не пропускают, говорят: «Ложись и всё!» Но я всё же сумел кое-как пройти к своему штабу, где были наши люди. Немец жал и мы отступали (*конец страницы*). В этом бою убило моего напарника Харченко Илью. Нам тогда досталось трудно, много выбыло из строя боевых друзей, и также много пришлось уничтожить своей техникой. Немец тогда нас потеснил километров 15. Впоследствии его наступление было остановлено,

и мы закрепились на своих рубежах в районе З (*слово неразборчиво*). Здесь спраздновали праздник 1 Мая, а 3 мая немец снова решил испытать нас. Я тогда дежурил с Кротовым в пехоте. В одном окопчике установили аппарат и держали связь. Немец с раннего утра открыл небольшую артподготовку и при поддержке танков пошёл в наступление, но здесь ему дали хороший отпор и он откатился обратно.

8 мая ввиду тяжёлых потерь наша часть поехала пополняться, прибыли на отдых в деревню Кульчины Волынской области, промеж Р (*слово неразборчиво*) и Луцком. Расположились в лесу, построили блиндажи, расчистили площадки, построили клумбы и т.д. И опять пошла на полную мощь учёба. Занимались каждый по своей специальности. Мы как связисты занимались телефонно-линейным делом, были и другие занятия, но в малом количестве. И расписание и распорядок дня точно не выполнялся. На физзарядку не выходили, а выходили сразу на туалет на речку, которая от нас примерно была с километр, и на этой речке мы часто купались, учились давать связь через речку и т.д. Таким образом прожили в этой деревне Кульчины до 7 июля. За это время получили новую технику, машины.

8 июля снова поехали на фронт, здесь стоять долго не пришлось. 18 июля 1944 года наши открыли артподготовку, прорвали сильно укреплённую полосу противника, сходу форсировали реку Буг. Немец отступал в беспорядке, бросая по пути свою технику, машины и боеприпасы. Впервые мне пришлось участвовать (*конец страницы*) в массивном наступлении во время войны.

Здесь много было трофеев, которые немцы при своём отступлении набросали, а поэтому мы много освободили за этот период польского населения, где можно было частенько выпивать польский самогон. За это наступление мы прошли более 250 километров и сходу форсировали многоводную преграду Вислу и организовали за Вислой плацдарм (30 км по фронту и 18 – вглубь), на котором и продолжали держать оборону. Немец неоднократно пытался нас столкнуть с этого плацдарма, но каждый раз получал по зубам и откатывался назад, потому что этот плацдарм имеет мировое значение для нас и гибель для немцев. И так продолжаем оставаться на этом плацдарме.

1 декабря 1944 года.

12 декабря 1944 год. Сегодня празднуем вторую годовщину со дня организации нашей части. С утра был парад, после чего выдали водку. Мы получили на свой УТС на 4-х

600 граммов. Выпили, хорошо закусили, вечером ходили на концерт во второй *дивизион* и на этом закончился праздничный день.

13.XII. С утра ходили трое на КПП, вымылись в бане, к обеду пришли на свой УТС. Сходили в поле, накопили картошки и начали готовить обед, немного побаловались и невзначай как-то попал наш (*слово неразборчиво*) на пенёк и так сильно, что не мог минут 15 подняться с земли. Кричит, охает, стонет, глаза закрыл. В общем, немного пришлось испугаться: думал, что помрёт, но впоследствии поправился, *и мы*, поужинав, легли спать.

14.XII. С утра всем взводом занимались строевой подготовкой, после чего осмотрел своё оружие. С Кротовым наготовили дров для землянки. И уже вечер, поужинав, начали вчетвером играть в карты в подкидного и (*слово неразборчиво*) козыри. Играли с вечера и до часу ночи. За это время я остался *в дураках* всего 3 раза а Фатахов М. не меньше раз 30, и полвторого улеглись спать. В 4 часа я поднялся дежурить.

15.XII. Сегодня с утра мороз, всё застыло. У нас порвалась линия в 282 м/н. Я с другом сходил на линию, устранив прорыв, восстановив связь, и вернулись в свою землянку. В 12.00 дня я ходил на КП на занятия по химделу и санделу. Окончив занятия получили продукты и вернулись на свой (*слово неразборчиво*). Вечером играли в карты в дурака подкидного и на этом окончился день.

16.XII. На улице свежо и весело, кругом заморозило. С утра я дежурю на телефоне часов до 12 дня. После чего вызывают на КП на занятия по уставу ВКП(б), проводил старшина Сизов. Прибыв с занятия опять продолжал дежурить до вечера. Вечером немного поиграли в карты часов до 11, и у нас порвалась связь с первым дивизионом. Я с Минаковым пошли на линию, но наш конец оказался присоединён к чужой линии, пришлось разъединить линию, но кабеля не хватало. Тогда вырезали из чужой линии и присоединили к своей и связь восстановили. Пришли на (*слово неразборчиво*) 1-го дивизиона, где посидели часов до 12 и вернулись в свою землянку, сыграли в карты полчаса и легли спать (*конец страницы*).

17.XII. Сегодня ничего особого не произошло. Почти целый день находился в землянке: читал журнал, газету, написал письмо домой, и так прошёл день. С вечера заступил дежурить и дежурил до полчетвёртого, остальные легли спать, потому что не было свету: старшина не дал керосину.

18.XII. Сегодня целый день свободный: сходил в дивизион, погулял по лесу с автоматом и больше ничего не делал. В 2 часа ночи заступил дежурить.

19.XII. Сегодня дежурил с 2 часов ночи до 10 часов утра. Часов в 8 утра немец пошёл в разведку боем, огнём наших батарей немец отошёл. В 12.00 часов с другом Фаттаховым ходили на охоту зайцев бить. Походили по лесу, вышли на дорогу искать окурки, и на перекрёстке дороги я увидел немца, который пробежал поперёк дороги и скрылся в лесу. Фаттахов его обошёл и дал очередь ему навстречу, он (*немец*) повернул и обратно скрылся, и так наша охота вышла неудачной. На обратном пути зашёл к одному солдату, который рубил дрова. Я у него закурил и пошёл обратно в свою землянку. Сготовил обед, так как сегодня моя очередь. Вечером посидели немного и легли спать.

20.XII. Сегодня целый день дежурил, а вечером, как обычно, посидели, побаловались и этим закончился день. Да сегодня немецкая артиллерия проявила активность, и самолёты бомбили наши объекты.

21.XII. Немецкая артиллерия также проявляла активность. Утром ходил в полк, получил продукты, бельё. Помылись в бане, а в 6 часов заступил дежурить. Вечером пришли игроки, которые играли до трёх часов ночи. И тут врасплох зашли три офицера, которые нарушили всю карточную игру

22.XII. Сегодня после завтрака прокладывали вновь линию, вернее, по-новому месту по дороге в 282 м/п, после чего возвратились в свою землянку. Вечером порвалась линия, которую только что натянули. Кротов и Фатахов исправили.

23.XII. Сегодня с двух часов ночи дежурю. Ночью немецкая артиллерия была по нашему расположению. Днём ходил на КП, получил письмо.

Вечером часов в 8 картина резко изменилась, потому что КП переменило своё место, и нам пришлось перейти тоже. Прибыв на место назначения, вдвоём с Минаковым расположились в одной маленькой халупе, где сквозные дыры, печки не было, нар тоже, и поэтому пришлось коммутатор снять и соединить в линию, потому что дежурить было невозможно. Но благодаря тому, что комполка уехал на старое место, и мы переспали эту ночь в его землянке.

24.XII. Сегодня опять установили коммутатор в эту маленькую холодную землянку. Нашли печку, на время конечно, растопили, и немного можно было терпеть. От сильного жару загорелась землянка, я затушил и печку отдал майору. Под вечер Минаков нашёл маленькую, сделанную из двух банок печку, которую установили. Ночью спать было нельзя

в этой землянке, и я ушёл в пустой штаб. Там, конечно, было тоже холодно, но всё же переспал ночь благополучно.

25.XII. Сегодня продолжал дежурить в этой землянке и до того досидел, что ноги окончательно стали замерзать, но тут вскоре прибыл Зуев, сменил *меня*, и я сходил на новый НП, и с вечера заступил дежурить (*конец страницы*).

26.XII. Сегодня также продолжал дежурить в этой холодной землянке.

27.XII. Сегодня приказали немедленно прийти на НП, взять с собой коммутатор и 2 (*слово неразборчиво*). Прибыв на НП дали связь от нашего НП на НП второго дивизиона. А ночью с вечера работали до полтретьего ночи, всё оборудовали НП, потому что днём работать нельзя. Прибыв на своё место, полчаса отстоял на посту, и так закончилась ночь.

28.XII. С утра ходил на старую телефонную точку, взял двери и ещё кое-что по мелочи. Так прошёл день, а с вечера опять пошли работать на НП, рыть траншею.

29.XII. Тоже с вечера делали тамбур в землянке на наблюдательном пункте, работали часов до двух ночи. Днём давали связь в дивизионные НП.

30.XII. Сегодня ходил на КП получать продукты, также была лекция на тему бдительность.

31.XII. С утра давали линию с КП полка на НП командира полка, и на этом закончился 1944 год.

1 января 1945 год.

Нахожусь на НП полка, ночью была стрельба со стороны противника, но наша артиллерия заглушила артиллерию противника. Днём ходил на КП полка: получил водку на всю разведку и на связистов. Прибыв на НП за обедом выпили, хорошо закусили, после чего играли в карты в очко и вот так встретили Новый год.

2.01. Ничего особого не произошло, а также и в последующие дни.

4.01. Время 7 часов вечера, делать нечего и решили играть в карты в очко. Я выиграл рублей 100 и так продолжили играть до 3 часа ночи. Я проиграл свою сумму, а также и другие.

5.01. Часа в два дня наши открыли артогонь правее одной высотки. Часа в 3 мне позвонили прибыть на КП со всеми вещами. Конечно, уходить было неохота, но ничего не поделаешь – приказ. Прибыв на КП меня поставили на коммутатор, а Алифиренку отправили на НП ввиду плохого дежурства.

6.01. В 8 часов утра наша артиллерия открыла огонь по врагу. В это время наша разведка пошла боем для захвата языка, но, чем кончилось, не знаю. Часов в 14 дня наша артиллерия снова открыла артогонь с целью того, чтобы выявить огневые точки противника и захватить языка. Эта задача была выполнена.

7,8,9,10.01. Артиллерия противника проявила активность, и местами провели (*конец страницы*) разведку боем, но наши части все вылазки противника отбивали с большими для врага потерями.

11.01. Сегодня рано утром немец пошёл в разведку боем, но успеха не имел. Наши взяли одного пленного немца. Часов в 7 вечера ходил на НП на собрание. Вернувшись часов в 9 вечера, начали ворожить или гадать. Это мастер этого дела-телефонист Кобец нагадал какие-то ранние и поздние дороги, какое-то горе и всё такое.

12.01. Сегодня сидевши за дежурством, услышал радостную весть: это 1-й Украинский фронт прорвал линию обороны противника и перешёл в наступление.

13.01. Часов в 5 дня приказали быстро собраться и идти на НП для дежурства на коммутаторе, ввиду того, что предполагалось наступление.

14.01. Прибыв на НП в землянку, здесь было холодно, потому что двери не было, и землянка только что была построена, к тому же печки не было. Конечно, спать было в одной фуфайке невозможно, и мы с ребятами играли целую ночь в карты в очко. Сначала я проиграл порядочно, но потом помог мне *старший лейтенант* Буданов и за целую ночь я всё же проиграл рублей 15. Мог бы ещё, быть может, возратить и эти 15 рублей, но послышалась команда по телефону зарядить. И тут мы все покинули это дело. Быстро вызвали комполка и остальное начальство: нам зачитали приказ о наступлении. Время было 8 часов, открылась артподготовка так, что всё задрожало и застонало от разрывов наших снарядов, и так наш фронт пошёл в наступление, прорвав линию обороны противника. И мы начали свой наступательный путь на запад.

15.01. Так как немец отступает под силой нашего артиллерийского огня, и мы тоже движемся вперёд, проехав линию обороны противника, мы нашли немецкие трофеи: много одеял шерстяных, также вооружение немецкое и прочее имущество. Заехав в одну сосновую рощу нам приказали найти ком. полка; *мы* сели на машину и поехали искать ком. полка. Заехав в одну деревушку, *мы увидели, что* здесь много ходит немецкого скота: пристрелили одну тёлочку, положили в машину и поехали дальше. *После того, как мы* нашли командира части, мы стали готовить обед: варить мясо и топить сало. Приготовили обед, покушали и поехали дальше, так как немец поспешно отступал.

16.01. Нам выдали водки по 200 граммов. Мы это выпили, подзакусили и опять продолжили путь, но дороги были сильно забиты и мы (*слово неразборчиво*) машины. Когда заехав в один городок, *мы увидели, что* здесь много было трофеев, вообще (*конец страницы*) немецкий склад. И вот мы тут взяли кое-чего необходимое, и нам приказали остаться в этом городке. Машина пошла собирать отставших, а мы пошли искать водки. Нашли водки, напились сколько угодно, и тут возвратилась машина. Мы сразу сели в машину и поехали на ранее назначенное место на ночлег. Прибыв на ночлег, ещё добавили, и я больше ничего не помню: был сильно пьян. Очнувшись часов в 8 утра, я увидел, что лежу на каком-то скотном дворе. Братва в этом дворе уже получили завтрак. Я встал, кое-как походил, но всё так сильно болело, что я не знал, что делать. И только после всего этого я немного проходил, *как* мне вручили сразу четыре письма. Среди них оказался платочек: это выслала одна девушка Нюра; и так пошла наша жизнь.

17-18.01. Движемся вперёд. Немец отступает. Пьём водку в этих деревнях и всё такое. 14.01 передали, что 2-й Белорусский фронт тоже перешёл в наступление.

19-20.01. За эти два дня всё время двигаемся вперёд, преследуем опять знакомого противника и добиваем. Тут приходится выпивать польской водки. Сегодня 20.01. проезжали только что освобождённый от немцев город Лович. Здесь народ нас хорошо встречает и приветствует. На каждом доме вывешены флаги. И так продолжается наша жизнь. Сейчас время 12 часов в по-польски, я дежурю на коммутаторе в одном НП. Здесь мы остановились на ночлег.

21.01. В 12.00 дня мы снова снялись с этого места и поехали дальше.

23.01. Прибыв на новое место назначения, город Кутно, мы разместились в одном доме, где жили немцы. Здесь много было трофеев. Тут вечером я встретил одну молодую

полянку (*польку*), которая мне рассказала, кто где жил в этом доме. Мы с ней прошли все комнаты, но тут мне дали задание: разыскать командиров дивизионов. И так пришлось разойтись. Правда, погода была неважная: шёл снег, а она была в одном платье, и поэтому идти со мной отказалась. Говорит: «Зимно» и она пошла домой.

24.01. Так продолжаем жить в этом доме.

26.01. Сегодня передали по радио приказ войскам 2-го Белорусского фронта, что Восточная Пруссия отрезана (*конец страницы*).

27-28.01. Сегодня дали приказ найти лошадей и приготовить повозку для того, чтобы можно было ехать. Время 6 часов утра, сейчас нам предстоит большой марш на 100 километров. Запрягли лошадей и поехали. Конечно, ехать не пришлось, так как дорога плохая: всю занесло снегом и к тому же холодно. Поэтому пришлось целый день топтать пешком. Сделав переход 40 километров, мы остановились на ночлег. У меня сильно заболели ноги, и двигаться дальше было невозможно. За ночь мы подыскали ещё пару лошадей, и наутро я сел верхом на лошадь. Ехал 24 километра на лошади до самого города Бромберг (*ныне Быдгощ*). И таким образом доехали до места нашего сосредоточения.

29.01. Как всегда дали связь командованию. Я дежурил на коммутаторе с 5 часов ночи. До этого времени спал на перине – так хорошо, что и не пробудился до самой смены, пока не разбудили.

30.01. Сегодня опять движемся вперёд на запад на повозке до самого места сосредоточения нашего участка фронта.

Находимся на германской территории, воюем в Восточной Пруссии.

11-13.02 Вели бои за город Ш (*слово неразборчиво*). Наша артиллерия расчищала путь пехоте и таким образом город был взят.

14.02. Также с боем взяли Л (*слово неразборчиво*) и движемся дальше.

17-19.02. Проезжаем мимо города Р (*слово неразборчиво*)

20-25.02. Принимаем участие в овладении городом Калиш

27-28.02. Вели бои за город Р (*слово неразборчиво*)

4-5.03. Город Хармельсдорф (*возможно Альберсдорф*)

9-10.03. Город Хинцендорф. Отсюда наступаем на А *(слово неразборчиво)*

16-18.03. Здесь ликвидировали плацдарм немцев (это северная Померания). *Здесь* были ожесточённые бои. Немец упорно сопротивлялся, цепляясь за каждый отдельный дом. Артиллерия немцев била активно, и нам приходилось двигаться по несколько метров в день *(конец страницы)*. Приходилось, что за сутки продвигались до 1,5 км. Здесь в одном блиндаже мы обнаружили трёх немцев, которые спрятались от нашего артогня. Мы втроём их вытащили из блиндажа, обыскали, отобрали оружие, часы и отправили в штаб. Таким образом немцев прижали к Балтийскому морю, взяли город Альдом и поэтому здесь остановились.

23.III.45 г. Из Альдома выехали на новое место в лес. Здесь переночевав одну ночь поехали дальше на отдых. Отдыхать, конечно, пришлось немного, и мы двинулись дальше, едем.

28-29.III проехали город Реппен и прибыв на место сосредоточились.

30.III.45 г. Находимся на очень маленьком плацдарме, это на подступах к г. Франкфурт. Здесь пришлось не раз отбивать атаки противника, который старался всеми силами выбить с плацдарма, но каждый раз получал нормальный откат. И так здесь продолжали стоять в обороне.

13.4.45 г. Находимся на плацдарме за Одером. Начинаем наступление последнее и решительное. Это Кюстринский прорыв, отсюда идём на г. Берлин. Здесь сосредоточено огромное количество техники, и даже были применены прожектора для подсвечивания, чтоб танки могли без промаха поражать. И также немцы легли от этого света. В 4 часа застонала земля, воздух наполнился гулом самолётов – это бомбила авиация. В 6 часов началась артподготовка и в 8 часов вся техника двинулась на врага вперёд на Берлин. Берём город Гольцов.

18.4. Вульков

19.4. Буков

22.4. Альт-Лонсберг *(возможно Альтландсберг) (конец страницы)*.

С 28.03. начинаем бои на подступах к Берлину, враг отступил. Таким образом, ведём бои в окраинах города. Враг упорно сопротивляется. Здесь в городе на одной улице мы с

командиром взвода и один разведчик выдвинулись вперёд нашей пехоты и пошли по подвалам. Немцы, сидевшие в подвалах – это гражданское население, от ужаса смотрели на нас и от страха все дрожали. И вот тут мы встретили одну русскую женщину хохлушку, которая впервые встретила нас первых, потому что пехота наша была позади. Она привела нас в один дом, где было большое количество наших русских девушек. Конечно, от радости хорошо нас встретили и к тому же мы первые зашли к ним. Нанесли водки, вина разного сорта, какого хочешь. Ну, конечно, я как освободитель, вместе с девчатами начал гулять, забыв о том, что кругом немцы. И вот в этот день я так напился, что ничего не помню, как очутился на машине. Конечно, впоследствии тут было уже полно нашей братвы. Мы с другом Королёвым Г.А., Кулаковым Г.А. и Фаттаховым М.В. прибыли на место и так идём дальше в центр города. И везде такая же картина: немцы дрожат от страха. Водки сколько хочешь, а так же и другое, в общем, что нужно, всё есть. И так воевали до второго мая.

2 мая немецкий гарнизон города Берлина капитулировал!

Все немецкие солдаты сложили оружие и сдались в плен, а также со всей своей техникой и прочим имуществом. С этого дня прекратили стрельбу наши батареи. На улицах полно пленных, как известно, сдалось больше, чем 100 тысяч солдат и офицеров (*конец страницы*).

В этот день второго мая мы праздновали победу над Берлином. Вместе с командиром части мы провели хорошо организованный обед, выпили, как положено, и продолжили каждый выполнять своё дело. Было тихо, не слышно выстрелов и свиста пуль, только кругом горящие здания и клубы чёрного дыма. Мирные жители вышли на улицу смотреть на своих вояк, которые сдались в плен и, опустив головы, шагают на восток.

3.01. Мы получили задачу выехать на новый участок, покинули Берлин. Мы движемся к реке Эльба. Здесь повстречались с нашими союзниками – это американцами.

7.05. Едем по городу Чербет. Это американцы защищали этот город.

8 мая 1945 года кончилась война! 9 мая – День Победы над Германией!!!

8.05. Разместились в лесу, натянули палатки и приготовились спать. Я в это время дежурил на коммутаторе, и вот примерно в два часа ночи послышалось важное сообщение – это передали, что Германия безоговорочно капитулировала, и весь немецкий гарнизон сдаётся в плен со всем своим вооружением и всей своей Германией. И так военные действия

в Германии прекратились. От этих слов не вытерпело сердце: мы сразу же разбудили всех спящих товарищей, поздравляли друг друга с Победой. Конечно, выпили и так целую ночь не спали.

9.05. Праздновали День Победы так же хорошо, и с этого дня началась наша мирная жизнь. Находимся юго-западнее города Рослау в 3000 метрах *(конец страницы)*. Здесь пошло оборудование жилища, мы построили себе замечательную землянку, где разместился весь взвод, и пошла нормальная красноармейская жизнь. Стали заниматься боевой и политической подготовкой, в общем, боевой опыт закрепляли учёбой.

6.07. Мы выехали из лесу и прибыли на новое место, это в город Цайс. Это километров 35 от Лейпцига. Здесь также занимаемся.

22.07. Опять пришлось переменить своё место стоянки. С утра мы выехали на новое место жительства. Куда, конечно, неизвестно было. И вот мы прибыли на новое место расположения уже поздно, расположились недалеко от города Веймар в деревне, вернее, на окраине деревни Н... и 22 километра от города Эрфурт. Разместились в казарме неплохо, и так опять пошла учёба и т.д.

1 января 1946 год

Сегодня как никогда встречали Новый год. Вечером перед Новым годом устроили общий вечер, выдали по 200 гр. «смазки». Конечно, после чего пришли в свою комнату, где жили втроём – это Иванов С.С. и Вихров И.Т. – и стали продолжать встречу Нового года и тянуть стакан за стаканом коньяк и виноградное. В этот вечер получил благодарность от командования, как ветеран части, отличник боевой и политической подготовки. Это всё происходило в вечер на 1 января.

И так продолжалась дальнейшая служба в 1946 году. Нахожусь всё на старом месте – это д. Н *(слово неразборчиво)* промеж г. Веймар и г. Эрфурт *(конец страницы)*.

5.02. Мне как ветерану части и отличнику по боевой и политической подготовке присвоили звание ефрейтора. Одновременно наградили нагрудным значком «Отличный миномётчик». В это время я работал офицером связи, жил, конечно, очень хорошо. Жили в комнате сначала втроём, после взяли ещё двух клиентов – это зав. дел ПФС и ГСМ. Так что ребята попались хорошие – это Бондаренко и Белолинецкий, так и стали жить впятером. Жили, конечно, лучше нельзя; конечно, свободного времени было в достаточном количестве.

Безусловно, что с начальством имел хорошие отношения, и были все знакомые, а поэтому были выданы справки о том, что разрешено было ходить из расположения части в любое время дня и ночи. Так что часто ездил в город специально для добычи спиртных напитков – это в города Веймар и Эрфурт, ну, также и добывал в другом месте, как в деревне Хопфгартен и т.д.

Часто приходилось ходить на немецкие танцы, которые были в д. Хопфгартен и т.д. Ну, конечно, фройляйн хватало, об этом говорить не приходится. Это, конечно, было вечерами (*конец страницы*). Днём же свободное время большинство проводили это по фотоделу, вернее своим любительским делом. Иногда съездишь на веломашине в деревню, возмёшь провизии и т.п. А то покатаешься на веломашине или мотоцикле, так проходили дни за днями.

Помню один случай, когда однажды в выходной день со своим другом Фаттаховым Мухаммедом Валеевичем поехали на веломашинах в д. Хопфгартен. Захватил я с собой фотоаппарат, и вот, только что выехали за деревню, слышим играет аккордеон игра Буякина, слышим по игре. Ну и, решили заехать, подъезжаем ближе, смотрим, тут идёт гулянка. Командир полка, начальник штаба Дроздов, командиры дивизионов К (*слово неразборчиво*) и Буданов, конечно, и ихние жёны. Ну, конечно, сначала как-то неудобно было, хотя всё и знакомо, но всё же. Безусловно, сначала Дроздов попросил сфотографировать со своим сынишкой. Просьбу его выполнили. Тут его жена Таня мне подала украдкой стаканчик, и вот, когда я «жахнул» стало повеселее, после чего мы фотографировали, одновременно нас угощали водкой, ну и пошло (*конец страницы*). Вот таким образом мы сфотографировали 80 снимков и напились, наконец, до безумия. Друг мой остался там же, а я каким-то образом добрался до своей комнаты. И вот так продолжали чуть ли не каждый день со своей компанией. В своей комнате начинали выпивку, закуски, конечно, было какой угодно. И так шёл день за днём, такой хорошей жизни.

После чего в июне месяце 1946 года наша дивизия была расформирована, и я попал в 63 ГАБ – это пушки 122 мм, часть находилась в городе Эрфурт.

6 июля мы снова сменили своё место расположения и переехали в город Ратенов недалеко от города Берлин – 74 км. Здесь, конечно, жизнь резко изменилась: я был зачислен в взвод управления батареи старшим телефонистом. Конечно, и там приходилось выпивать, но только не в такой дозе.

В октябре мне присвоили звание младшего сержанта, но работал всё на старой должности до самого конца своей службы. 14 ноября 1946 года был демобилизован из рядов Р.К.К.А. Таким образом, очутился 31 ноября 1946 года на своей родине.

Конец военной службы! *(конец страницы)*

У себя на родине!

31.11.46 года прибыл на родину в свой отцовский дом, где радостно встретили родители. Вечером пришли друзья-приятели и сообщили, что в Шевинской беседа. Но идти на беседу я отказался ввиду усталости.

На второй день была сделана беседа дома в деревне. Конечно, выпили и пошли на беседу в весёлом настроении. Беседа была в доме Паничева Василья, где познакомился с Тряпицыной Палей.

6 декабря с Никитиным Сашей ходил в город, вставал на учёт. Вечером пришли домой в весёлом настроении, а дома ещё добавили самогона у Матвеева Ивана и пошли обратно на беседу, которая была во своей деревне. На этом пошла нормальная гражданская жизнь.

В виду тяжёлых условий гражданской жизни (голод), я решил куда-либо уехать. И 22 февраля 1947 года я вместе с нашими людьми Ухов Вл., Никешин И., Хохлов В., Быков В., Быков Л, Анисимов Н., Морозов Н. поехали в Краснодар. Сопровождал нас Матвеев И. На дороге до Череповца пришлось немного трудновато, ибо была такая метель, что спасу не было, которая застала по дороге. Конечно, когда прибыв на место в г. Череповец, пришли на вокзал, где изрядно выпили, а также закусили. В полдень пришёл поезд, и мы посажались в вагон. Ввиду того, что я был очень пьян, когда стал слезать с полки на пол вагона, зацепил ненарочно гимнастёркой за стоп-кран. Но видя, что сделал неправильно, и поезд стал останавливаться, я ручку *(конец страницы)* стоп-крана повернул обратно вверх. В это время прибежал проводник, и хотели мне дать штраф. Но как поезд не остановился, то штрафу миновал. А когда добрался до Вологды, то там обратно пришлось немного выпить. После чего на третьи сутки нам пришлось идти на поезд, но с посадкой было очень трудно. Анисимов и Морозов сели без билетов, но заплатили штраф. Таким образом они прибыли в Москву на сутки раньше.

Наконец, добрался и я до Москвы. Сразу закомпостировал свой проездной билет, и поехали также за сутки раньше Анисимов, Морозов и я. И таким способом добрались до Краснодара. Путь наш был ещё сто километров до места назначения – это до совхоза «Сад гигант» в Словинском (*возможно Славянском*) районе. Подрядили машину по 50 рублей с каждого и добрались до районного городка Словинск (*возможно Славянск*). От него ещё 7 км пришлось идти пешими. Идти было тяжело, ибо очень жарко. Прибыв на место в совхоз «Сад гигант» переночевали у Быкова Михаила и утром пошли в контору совхоза. Но ввиду тяжёлого положения с хлебом, нам устроиться не пришлось, и мы решили двигаться обратно в Краснодар. Конечно, продукты у нас все кончились, а также и деньги. Поэтому пришлось продавать свои вещи.

Когда же прибыли вечером в Краснодар на станцию, то в это время прибыли на (*конец страницы*) вокзал и Ухов В. с Быковым В. Когда все поговорили о поездке до совхоза, то настроение сразу ухудшилось. Конечно, нам долго жить в городе не пришлось, ибо не позволяли ресурсы. Одним словом, всё, что было с собой, все вещи пришлось распродать для пропитания. Таким образом, проехав месяц, пришлось возвратиться домой из-за тяжёлого положения с хлебом.

20 марта снова возвратился домой с Анисимовым Николаем, остальных оставили в Краснодаре. После чего, 23 марта 1947 года устраиваюсь на работу в (*слово неразборчиво*) в качестве агента по своему сельскому совету. Основное тогда было хлеб, который выдавали по карточкам 500 граммов.»

На этом записи в дневнике А.И. Ухова заканчиваются. Мы полагаем, что подобные документы обязательно должны публиковаться, так как только прочитав их, возможно узнать какие подлинные чувства и эмоции переживали как участники боёв на передовой линии фронта так и воины так называемого второго эшелона Великой Отечественной войны.

Кузьмичёва Наталья Геннадьевна,
методист I категории
Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
kirmuseum.org

¹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 – 1941, М; Вече, 2000, гл. 13.

² Анфилов В.А. Красная армия за год до фашистской агрессии. Военно-исторический журнал, №№ 3,4, 1996.

³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 – 1941, М; Вече, 2000, гл. 12.

⁴ ОПИ КБИАХМЗ ф 2 оп 3 инв № 24098/1

⁵ Авторский стиль сохранён, орфография и пунктуация исправлены.

⁶ Курсивом выделены слова и буквы, вставленные для облегчения восприятия текста.